

ЕВХАРИСТІЯ И СОВОРНОСТЬ.

(И з ъ к н и г и о Ц е р к в и)

*Никто же да рыдаетъ убожества,
явися бо общее царство)..*

(Изъ Пасхальнаго огласи -
тельнаго слова).

I.

Святая Евхаристія совершается въ память о Христѣ. И прежде всего — въ воспоминаніе о Тайной Вечери, когда Господь установилъ и Самъ впервые совершилъ святѣйшее таинство Новаго Завѣта со ученики Своими и далъ заповѣдь: сіе творите въ Мое воспоминаніе... Но это не только воспоминаніе. Вспоминаютъ о бывшемъ и прошедшемъ, о томъ, что нѣкогда случилось и чего уже нѣтъ. А Тайная Вечера не только была единожды совершена, но таинственно продолжается и до вѣка, — «дондеже приидетъ»... Это исповѣдуемъ мы каждый разъ, приступая къ Евхаристической чашѣ: Вечери Твоя тайныя днесъ, Сыне Божій, причастника мя пріими... Продолжается, не повторяется. Ибо едина жертва, едино приношеніе, единъ Іерей, «приносящій и приносимый»... «И

нынѣ предстоитъ тотъ-же Христось; Кто приготовилъ ту трапезу, Тотъ-же приготовляетъ и эту теперь», говоритъ Златоустъ. И прибавляетъ: «та трапеза, за которой было уст новлено таинство, ничѣмъ не полнѣе каждой послѣдующей, потому что и днесъ совершающій вся и преподающій есть Онъ, какъ и тогда».

Въ этомъ открывается тайна соборности, тайна Церкви. Апостоль таинственно говорилъ о Церкви, какъ о «полнотѣ» или «исполненіи» Христа (Еф. 7. 23: *το πληρωμα*). И Златоустъ объяснялъ, что «полнота», значитъ дополненіе, — Церковь, есть нѣкое восполненіе Христа, Который есть лишь Глава въ Своемъ Тѣлѣ. «И значитъ: тогда только исполнится глава, когда устроится совершенное тѣло»... Тѣло Христово, Церковь, становится, исполняется во времени. Подобнымъ образомъ, и каждая Евхаристія есть нѣкое исполненіе Тайной Вечери, ея осуществленіе и раскрытіе въ мірѣ и во времени. Каждая евхаристическая служба есть всецѣлое отображеніе единой великой Евхаристіи, совершенной Спасителемъ въ навечеріи Его вольныхъ страданій на Тайной Вечери. Какъ говорилъ Златоустъ, каждая Евхаристія есть жертва всецѣлая, — «ее приносимъ и мы теперь, тогда принесенную и никогда не оскудѣвающую»... Всегда и вездѣ единый Христось, «и тамъ всецѣлый, и здѣсь всецѣлый»...

Какъ Вѣчный Первосвященникъ, Спаситель «непрестанно совершаетъ для насъ сію службу», говоритъ проникновенный византійскій литургистъ Николай Кавасила. Не такъ, что снова Онъ сходитъ на землю и воплощается или вселяется въ освящаемыхъ Дарахъ, — «не такъ, что вознесшееся Тѣло нисходитъ съ неба»... Въ Вознесеніи Своемъ Христось, сѣдящій оттолѣ одесную Отца, не отлучается и отъ земли и «пребываетъ неотступно» — въ Церкви Своей. Какъ говорилъ Златоустъ,

«Христосъ и намъ оставилъ плоть Свою, и съ нею же вознесся». Въ томъ смыслѣ страшнаго и неисповѣдимаго евхаристическаго преложенія, что таинственнымъ дѣйствіемъ Святаго Духа, ниспосланнаго въ міръ Сыномъ отъ Отца, неизреченно исполняется Пречистое Тѣло Христово. И въ этомъ таинство. Не повторяется жертва, не повторяется заколеніе... Эта жертва, — говоритъ Кавасила объ Евхаристіи, ... «совершается не чрезъ заколеніе въ то время Агнца, но чрезъ преложеніе хлѣба въ закланнаго Агнца». По силѣ молитвеннаго призыванія Церкви наитіемъ Духа предложенные Дары освящаются, — Его благодатной силою изъемятся изъ тлѣннаго круговорота естественной жизни. Честные Дары приемятся въ пренебесный жертвенникъ Божій и становятся истинною плотію и кровію Христа; и чрезъ это воспринимаются въ единство Упостаси Бога Слова. Это — тѣло Богочеловѣка, рожденное отъ Дѣвы, пострадавшее, воскресшее, вознесенное, прославленное. Это — самъ Христосъ, — во двою естеству неслитно познаваемый»...

«Онъ сказалъ въ началѣ: да произведетъ земля быліе травное», объясняетъ Дамаскинъ: «и даже донынѣ она по орошеніи дождемъ производитъ свои прозябанія, возбуждаемая и укрѣпляемая божественнымъ повелѣніемъ. Такъ и здѣсь Богъ сказалъ: «сіе есть тѣло Мое, и сія есть кровь Моя, и сіе творите въ Мое воспоминаніе; и по Его всеильному повелѣнію такъ и бываетъ, пока Онъ не придетъ... И чрезъ призываніе является дождь для этого новаго земледѣлія, — осѣняющая сила Святаго Духа».

Это «новое земледѣліе», по дерзновенному выраженію Дамаскина, есть нѣкое космическое таинство, освященіе природы — въ предвареніе и предначатіе того грядущаго и великаго обновленія, когда Богъ будетъ всѣмъ во всемъ. Это — начатокъ

новаго неба и новой земли. Во святой Евхаристіи земля уже нынѣ становится небомъ: ибо «теперь возможно видѣть на землѣ тѣло Царя небесъ», замѣчаетъ Златоустъ. И, однако, это не есть само-довлѣющее физическое, природное чудо, не есть только преображеніе вещества. Ибо совершается евхаристическое чудо ради человѣка, и совершается чрезъ человѣческое естество Воплотившагося Слова. Евхаристія есть «врачевство безсмертія», *фармаков ἀθανασίας*, по выраженію еще св. Игнатія Антиохійскаго, — «врачевство жизни», «врачевство нетлѣнія».... Это нетлѣнная и безсмертная пища для человѣка. Евхаристія совершается ради вкушенія. Это, прежде всего, — трапеза. И принимая тѣлесно Евхаристическіе Дары, мы искренно соединяемся со Христомъ, со Христомъ-Богочеловѣкомъ. Ибо Плоть Господа, одушевленная и живая, чрезъ единство Упостаси Воплощеннаго Слова, уже обожена, есть «тѣло сущаго надъ всѣми Бога», по выраженію Златоуста. По силѣ неизмѣннаго и нераздѣльнаго единства двухъ естествъ въ лицѣ Богочеловѣка, чрезъ Евхаристическое вкушеніе, «чрезъ смѣшеніе плоти и крови», какъ выражается Дамаскинъ, «мы становимся причастниками Божества Іисусова». И для тѣлесно духовнаго существа, какимъ созданъ человѣкъ, нѣтъ иного пути и средства къ соединенію съ Богомъ, — какъ то открылъ намъ Самъ Господь: «если не будете ѣсть плоти Сына Человѣческаго и пить крови Его, не будете имѣть въ себѣ жизни». (Іо. VI. 53).

Созидавая Церковь Свою, въ таинственномъ предвареніи Своихъ спасительныхъ страданій, Господь устанавливаетъ на Тайной Вечери святѣйшее таинство Новаго Завѣта, и раскрываетъ ученикамъ, что это есть таинство единства и любви. О любви учитъ и назидаетъ апостоловъ Спаситель въ ту ночь. И говоритъ о любви, какъ о силѣ соединяю-

щей. Онъ говоритъ о Себѣ, какъ о Новомъ и Второмъ Адамѣ, — какъ Новый Адамъ, Господь есть Путь для человѣковъ, въ Немъ и чрезъ Него входящихъ къ Отцу. И таинственный Домъ Отца, въ которомъ обители многи суть, это — самъ Господь, въ Тѣлѣ Котораго, въ Церкви, вѣрующіе въ Него благодатною силой любви соединяются въ таинственной сотѣлесности съ Нимъ и между собою. И соединяются чрезъ таинство Плоти и Крови, — по Его собственному слову: «ядый Мою плоть и пій Мойю кровь, во Мнѣ пребываетъ и Я въ немъ». (Іо. VI. 56). Апостольское ученіе о Церкви, какъ о Тѣлѣ Христовомъ, передаетъ прежде всего литургическій опытъ, выражаетъ евхаристическую дѣйствительность: «Единъ хлѣбъ, и мы многіе единое тѣло, ибо всѣ причащаемся отъ одинаго хлѣба» (I Кор. X. 17). Златоустъ объясняетъ: «Мы — самое то тѣло. Ибо что такое хлѣбъ? Тѣло Христово... Чѣмъ дѣлаются причащающіеся? Тѣломъ Христа... Не много тѣлъ,, но одно тѣло»...

Въ святой Евхаристіи вѣрующіе становятся Тѣломъ Христовымъ. И потому Евхаристія есть таинство Церкви, «таинство собранія», «таинство общенія», *μυστήριον συνάξεως, μυστήριον κοινωνίας*, Евхаристическое общеніе не есть только духовное, или нравственное единство, не только единство переживанія, воли и чувства. Это — реальное и онтологическое единство, осуществленіе единой органической жизни во Христѣ. Самый образъ Тѣла указываетъ на органическую непрерывность жизни. Въ вѣрующихъ, въ силу и въ мѣру ихъ соединенія со Христомъ, открывается единая Богочеловѣческая жизнь — въ общеніи таинства, въ единствѣ животворящаго Духа. Древніе отцы не колебались говорить о «естественномъ» и «физическомъ» общеніи, реалистически объясняли евангельскій образъ Лозы виноградной. «Сотелѣсными

и единокровными Христу» называетъ св. Кирилль Иерусалимскій причастниковъ евхаристической трапезы. Въ единомъ Тѣлѣ Своемъ, говорилъ св. Кирилль Александрійскій, посредствомъ таинственнаго благословенія Христосъ дѣлаетъ вѣрующихъ во-истину сотѣлесными Себѣ и между собою, «чтобы и сами мы сходились и смѣшивались въ единство съ Богомъ и между собою, хотя и отдѣляясь каждый отъ другого душами и тѣлами въ особую личность»... «Для того Онъ смѣсилъ Себя съ нами и растворилъ тѣло Свое въ насъ», говоритъ Златоустъ, «чтобы мы составили нѣчто единое, какъ тѣло, соединенное съ главою. И это есть знакъ самой сильной любви ... Я восхотѣлъ быть высшимъ братомъ. Я ради васъ приобщился плоти и крови. И эти плоть и кровь, черезъ которыя Я сдѣлался сокровеннымъ съ вами, я опять преподаю вамъ» — Въ Евхаристіи снимается человѣческая непроницаемость и исключительность. Вѣрующіе становятся «сочленами» во Христѣ, и чрезъ это — сочленами другъ другу. Созидается новое, каѳолическое человѣчество, — родъ христіанскій. «Всѣ — одинъ Христосъ, какъ единое тѣло изъ многихъ членовъ», говоритъ преп. Симеонъ.

Евхаристія есть каѳолическое таинство, таинство мира и любви, и потому единства. *Mysterium pacis et unitatis nostrae*, по выраженію блаж. Августина. Это — вечеря любви. Какъ во-истину Вечерею любви была Тайная Вечеря, когда Господь открылъ и показалъ ученикамъ «превосходнѣйшій путь» любви совершенной, — по образу Его любви: «какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга» (Іо. XIII. 34). И болѣе того, — по образу Троической любви: «какъ возлюбилъ Меня Отецъ, и Я возлюбилъ васъ; пребудьте въ любви Моей». (Іо. XV. 9). Заповѣдь любви Господь возводитъ къ тайнѣ Троическаго единства, — ибо эта тайна есть любовь; «и это имя угодно Богу

паче всякаго другого имени», замѣчаетъ св. Григорій Богословъ. Заключая Свою прощальную бесѣду въ Первосвященнической молитвѣ Спаситель молится о соединеніи и единствѣ вѣрующихъ въ Него: «Да будутъ всѣ едины, какъ Ты, Отче, во Мнѣ и Я въ Тебѣ, да будутъ и они въ Насъ едино... Я въ нихъ и Ты во Мнѣ;; да будутъ совершены во едино». (Іо. XVII. 21, 23). Для насъ, раздѣленныхъ и обособленныхъ, это соединеніе по образу Троицы, Единосущной и Нераздѣльной, возможно только во Христѣ, въ Его любви, въ единствѣ Его Тѣла, въ общеніи Его чаши. Въ единствѣ католической Церкви таинственно отображается Троическое единосущіе; и по образу Троическаго единосущія и круговращенія Божественной жизни у множества вѣрующихъ оказывается одна душа и одно сердце (срв. Дѣян. IV. 32). И это единство свое и соборность Церковь узнаетъ и осуществляетъ прежде всего въ Евхаристическомъ тайнодѣйствіи. Можно сказать, Церковь есть въ твари образъ Пресвятой Троицы, — потому и связано откровеніе Троичности съ основаніемъ Церкви. И Евхаристическое общеніе есть исполненіе и вершина Церковнаго единства.

2.

Евхаристическое тайнодѣйствіе есть прежде всего общая и соборная молитва. *Publica et communis oratio*, говорилъ св. Кипріанъ Карфагенскій, — «и когда мы молимся, то молимся не за одного, но за весь народъ, потому что мы, весь народъ, есмы одно»... Молимся за весь народъ, и молится весь народъ... Это сказывается уже во внѣшней формѣ молитвословій: мы молимся... «Молитвы благодаренія также суть общія», замѣчаетъ Златоустъ.

Ихъ приносить тайнодѣйствующій священнослужитель, но приносить ихъ отъ всего народа, отъ Церкви, отъ собранія вѣрныхъ. Отъ лица Церкви, отъ лица всего церковнаго народа приносить онъ святое возношеніе; и молится не отъ себя, но отъ народа, — какъ отъ народа приносятся и преллежашіе на алтарѣ Дары. «Еще приносимъ Тебѣ словесную сію и безкровную службу, и просимъ, и молимъ, и умоляемъ: ниспосли Духа Твоего Святаго на насъ и на предлежащіе дары сіи»... И народъ скрѣпляетъ это «тайнственное» (скорѣе, чѣмъ... тайное) моленіе и призываніе своимъ согласіемъ: «Тебя поемъ, Тебя благословляемъ, Тебя благодаримъ, Господи, и молимся Тебѣ, Боже нашъ»... Это не пассивное согласіе, не молитвенный аккомпаниментъ, — это свидѣтельство нераздѣльнаго единодушія и тожества въ молитвѣ. Церковь говоритъ устами священнослужителя. Но только священникъ смѣетъ возносить молитву народа, потому что только онъ Божественною благодатію облеченъ правомъ и дерзновеніемъ говорить за всѣхъ. Это право и этотъ даръ имѣетъ и получаетъ онъ не отъ народа, но отъ Духа Святаго, въ порядкѣ преемственнаго священноначалія; но получаетъ его для народа, какъ нѣкій корифей церковнаго хора, — имѣетъ его, какъ даръ служенія, какъ одинъ изъ даровъ во многообразіи церковныхъ дарованій.

Молитвенное «мы» означаетъ не только множественное число. Но прежде всего — духовное единство предстоящей Церкви, нераздѣльную соборность молитвеннаго обращенія. «Иже общія сіи и согласныя даровавъ намъ молитвы», обращается Церковь въ одной изъ евхаристическихъ молитвъ. Ибо молитва вѣрныхъ должна быть «симфонической» молитвой, должна приноситься «едиными усты и единымъ сердцемъ». И не такъ, чтобы просто слагались между собою частныя, личныя и обособлен-

ная молитвы. Но такъ, чтобы уже и каждая слагающая молитва освобождалась отъ личной ограниченности, переставала быть только личною и становилась общей и соборной. То есть, чтобы каждый молился не по себѣ, но именно какъ членъ Церкви, ощущая и сознавая себя сочленомъ церковнаго тѣла. Это дается въ мирѣ и любви. Потому и предваряется въ литургическомъ чинѣ молитва возношенія призывомъ къ любви и молитвой цѣлованія: Возлюбимъ другъ друга... И разумѣется при этомъ не немощная и исключительная только человѣческая любовь, но та новая любовь, о которой училъ Спаситель, — любовь о Христѣ и во Христѣ, и любовь Христа ради. Не естественное влеченіе, но благодатная сила, изливаемая въ сердца наши Духомъ Святымъ (Рим. V. 5).. Въ Церкви любовь преобразуется, получаетъ онтологическую полноту и реальность. Потому и становится возможнымъ «любить близкихъ, какъ самого себя», — такъ любить возможно только во Христѣ, котораго вѣрующій взоръ открываетъ и въ каждомъ ближнемъ, въ «единомъ изъ малыхъ сихъ», и только силою жертвенной любви Христовой. Эта любовь не терпитъ ограниченія и предѣла, не можетъ и не хочетъ быть замкнутой, одинокой. Перестаетъ быть желаннымъ и сладкимъ всякое личное благо. И это есть подобіе любви Христовой, никого не отсѣкающей отъ своей полноты. Съ силою говорилъ объ этомъ Златоустъ, объясняя молитву Господню. Да будетъ воля Твоя какъ на небеси и на земли! Это значитъ: «какъ на небѣ, говоримъ мы, нѣтъ ни одного грѣшника, такъ и на землѣ пусть не будетъ ни одного; но во всѣхъ, говоримъ мы, укорени страхъ Твой и всѣхъ людей сдѣлай ангелами, хотя они и наши враги и супостаты»... Съ такою любовію надлежитъ приступать къ страшному Евхаристическому тайнодѣйствію. «Ибо предлежитъ общая для всего міра очисти-

тельная жертва», замѣчаетъ Златоустъ. И открылось общее царство...

Есть канолическій размахъ и дерзновеніе въ литургической молитвѣ. «Еще приносимъ Тебѣ словесную сію службу о вселенной», молится Церковь. И литургическія прошенія объемлютъ весь міръ, какъ уже получившій благословеніе Божіе. Въ молитвахъ Церковь стремится къ поименному перечисленію всего своего состава, прославленнаго и немощнаго, живыхъ и усопшихъ. И въ этомъ именованіи всѣхъ тѣхъ, за кого церковный народъ долженъ и хочетъ помолиться, освящается и утверждается начало личности. Евхаристическое именованіе живыхъ и усопшихъ означаетъ утвержденіе каждой индивидуальности въ единомъ и соборномъ тѣлѣ Церкви. «И даждь имъ мѣсто и пребываніе въ царствіи Твоемъ», по выраженію древней александрійской литургіи, *τόπον καὶ μονήν*, И мы просимъ Бога восполнить немощь и пробѣлы нашей памяти: «и тѣхъ, кого мы не помянули по невѣдѣнію или по забвенію, или по множеству именъ, Самъ помяни, Боже, вѣдый возрастъ и званія каждаго, знающій каждаго отъ чрева матери Его»... И общею молитвою о «всякой душѣ христіанской» и о всѣхъ усопшихъ въ надеждѣ воскресенія къ жизни вѣчной мы свидѣтельствуемъ и скрѣпляемъ свою волю ко всеобъемлющей, безъизъятной молитвѣ. И мало того, евхаристическая молитва съ любовнымъ вниманіемъ охватываетъ всю полноту и всю сложность жизненныхъ положеній и состояній, всю сложность земной судьбы. На всю жизнь призывается благословеніе и милость Божія, ибо все объемлетъ и объято любовью Христовой: «Самъ буди всѣмъ для всѣхъ, вѣдый каждаго, и прошеніе его, и домъ и нужду его»... Вся жизнь созерцается во Христѣ. И Церковь молится: «Помяни, Господи, принесшихъ Тебѣ сіи дары и тѣхъ, о комъ, и черезъ кого, и за кого

они принесли ихъ. Помяни, Господи, плодоносящихъ и добродѣлающихъ во святыхъ Твоихъ церквахъ, и помнящихъ объ убогихъ... Помяни, Господи, находящихся въ пустыняхъ, и горахъ, и пещерахъ, и ущеліяхъ земли... Помяни, Господи, благочестивѣйшихъ и благовѣрныхъ царей... Помяни всякое начальство и власть... Помяни предстоящій народъ и неприсутствующихъ по благословнымъ причинамъ, и помилуй ихъ и насъ по множеству милости Твоей: сокровищницы ихъ наполни всякимъ добромъ, супружества ихъ сохрани въ мирѣ и единомысліи, младенцевъ воспитай, юность наставь, малодушныхъ утѣшь, разсѣянныхъ собери, заблудшихъ обрати..., мучимыхъ духами нечистыми освободи. Сопровождай плавающихъ, сопутствуй путешествующимъ, покровительствуй вдовамъ, защити сиротъ, избави плѣнныхъ, исцѣли больныхъ. Помяни, Боже, находящихся на судѣ, и въ ссылкахъ, и въ рудникахъ, и во всякой скорби и нуждѣ и бѣдѣ и всѣхъ нуждающихся въ великомъ Твоемъ милосердіи, — и любящихъ насъ, и ненавидящихъ, и заповѣдавшихъ намъ недостойнымъ молиться за нихъ. И весь народъ Твой, Господи Боже нашъ, помяни и на всѣхъ излей богатую Твою милость»... Эта молитва возносится по освященіи Даровъ, предъ лицомъ самаго Христа. И завершается это любовное поминовение прошеніемъ объ единодушіи и о мирѣ, о мирѣ всего міра: «Прекрати раздоры церквей, останови смятеніе народовъ, разруши силою Святаго Твоего Духа возстаніе ересей. Приими насъ всѣхъ во Царствіе Твое и, показавъ насъ сынами свѣта и сынами дня, даруй намъ миръ Твой и любовь Твою... И даждь намъ едиными усты и единымъ сердцемъ славить и воспѣвать всечтимое и великолѣпное имя Твое»... — Такъ молится весь народъ, и молится за весь народъ.

И это не только единство молитвы. Въ Евхарис-

ти незримо, но дѣйствительно открывается полнота Церкви. Каждая литургія совершается въ связи со всею Церковію и какъ бы отъ ея лица, не только отъ лица предстоящаго народа, — какъ и полномочіе тайнодѣйствовать священнослужитель имѣетъ въ силу апостольскаго преемства и тѣмъ самымъ отъ апостоловъ и отъ всей Церкви, и постольку отъ самого Христа. Ибо каждая... «малая Церковь» есть не только часть, но и стяженный образъ всей Церкви, неотлучный отъ ея единства и полноты. И потому во всякой литургіи таинственно, но реально соприсутствуетъ и соучаствуетъ вся Церковь. Литургическое священнодѣйствіе есть нѣкое обновляющееся Богоявленіе. И въ немъ мы созерцаемъ Богочеловѣка Христа, какъ Основателя и Главу Церкви, — и съ нимъ всю Церковь. Въ евхаристической молитвѣ Церковь созерцаетъ и признаетъ себя единымъ и всецѣлымъ Тѣломъ Христовымъ. Внѣшнимъ знакомъ этого созерцаемаго единства являются частицы, полагаемыя во время проскомидіи на святомъ дискосѣ окрестъ св. Агнца, приготовленнаго для освященія. «Въ семь божественномъ образѣ и дѣйствиіи священной проскомидіи», объясняетъ Симеонъ Солунскій, «мы видимъ нѣкоторымъ образомъ самого Іисуса, созерцаемъ и всю единую Церковь Его. Въ средоточіи всего видимъ Его, истинный свѣтъ, вѣчную жизнь.. Ибо Самъ Онъ присутствуетъ здѣсь подъ образомъ хлѣба, посрединѣ. Частицею съ правой стороны изображается Матерь Его, съ лѣвой — святые и ангелы; и внизу — благочестивое собраніе всѣхъ увѣровавшихъ въ Него. Здѣсь великая тайна... Богъ посреди людей и Богъ посреди боговъ, получившихъ обоженіе отъ истиннаго по естеству Бога, воплотившагося ради насъ. Здѣсь будущее царство и откровеніе вѣчной жизни».

И это не только образъ, не только священный символизмъ Литургическое поименованіе имѣетъ

тайнодѣйственную силу, — потому совершается оно только о вѣрныхъ, о членахъ Церкви (хотя молится Церковь и о «внѣшнихъ», объ отступившихъ и не ищущихъ Бога, но — не въ святомъ возношеніи). Ибо, продолжаетъ Симеонъ Солунскій, «частица, принесенная за кого-либо, лежа близъ божественнаго хлѣба въ то время, какъ онъ священнодѣйствуется и прелагается въ тѣло Христово, и сама тотчасъ становится причастною освященія; и бывъ положена въ потиръ, она соединяется съ кровію. Поэтому и на душу, за которую принесена, низводитъ благодать. Здѣсь какъ бы совершается мысленное приобщеніе; и если человѣкъ благочестивъ, или и если грѣшенъ, но покаялся, то онъ невидимо душою принимаетъ общеніе Духа»... И такимъ образомъ въ Евхаристическомъ поминовеніи укрѣпляется онтологическое срастаніе вѣрныхъ во Христѣ. Это не магическое дѣйствіе, это — дѣйствіе спасительной благодати Крестной, приемлемой и усвояемой каждымъ въ мѣру чистоты и достоинства. Ибо можетъ быть причащеніе св. Тайнъ и во осужденіе. Только любовь человѣка усваиваетъ любовь снисходящаго Бога. И Христосъ преподаетъ Себя не только тѣмъ, кто тѣлесно причащается Плоти и Крови Его изъ рукъ священства. Черезъ Евхаристическое тайнодѣйствіе Онъ преподаетъ Себя и отсутствующимъ, — «какъ Самъ знаетъ». Это и есть духовное или «мысленное» приобщеніе. Ибо смыслъ приобщенія — въ соединеніи съ Богочеловѣкомъ черезъ плоть Его; и въ соединеніи не только тѣлесномъ, но и душевномъ, и духовномъ. Обратное, всякое соединеніе со Христомъ есть нѣкое приобщеніе и тѣмъ самымъ прикосновеніе Его пречистаго и прославленнаго Тѣла. «Всякій покой душъ и всякая награда за добродѣтель, и великая, и малая», говоритъ Кавасила, «есть не что иное, какъ сей хлѣбъ и сія чаша, которой равно причащается и родъ живыхъ, и родъ

мертвыхъ, — каждый соотвѣтственнымъ для себя образомъ». И такимъ образомъ, въ Евхаристіи снимается грань смерти, грань смертнаго разлученія, — усопшіе соединяются съ живущими въ Евхаристическомъ единствѣ, въ единствѣ трапезы Христовой. Евхаристическое поминовение не есть только воспоминаніе, но — видѣніе, созерцаніе апостольскаго общенія во Христѣ. Потому и приносится молитва о всѣхъ, что «этою священою жертвою всѣ вмѣстѣ и ангелы, и святые люди, и соединились со Христомъ, и освятились въ Немъ, и чрезъ Него соединяются съ нами», говоритъ Симеонъ Солунскій. И каждый разъ, совершая евхаристическую службу, мы созерцаемъ и переживаемъ это совершенное единство и молимся отъ лица всего призваннаго и спасеннаго человѣчества. Молимся, какъ Церковь, — молится вся Церковь.

Евхаристія есть нѣкое онтологическое откровеніе о Христѣ и о Церкви, — о Христѣ въ Церкви. «Тайны означаютъ и Церковь», говоритъ Кавасила, «такъ какъ она есть тѣло Христово и члены отъ части (I Кор. XII. 27).» И продолжаетъ: «И указывается Церковь Тайнами не какъ символами, но какъ сердцемъ указуются члены, какъ корнями дерева вѣтви и, по слову Господа, какъ виноградною лозою указуются отрасли; ибо здѣсь не одинаковость только имени, и не сходство подобія, но тождество дѣла... Если бы кто могъ увидѣть Церковь Христову въ томъ самомъ видѣ, какъ она соединена со Христомъ и участвуетъ въ плоти Его, то увидѣлъ бы ее не чѣмъ другимъ, какъ только тѣломъ Господнимъ... Ибо вѣрные, черезъ сію кровь, уже живутъ жизнью во Христѣ, истинною соединены съ тою Главою и облечены симъ тѣломъ».

Евхаристія скорѣе гимнъ, нежели молитва, — отсюда и самое имя: «благодареніе». Конечно, это

— Голгоѳа, и на престолѣ предлежитъ Агнецъ закланный, Тѣло ломимое и Кровь изливаемая. Но и Голгоѳа есть таинство радости, не страха, таинство любви и славы... Нынѣ прославися Сынъ Человѣческій (Іо. XIII. 31). И если по недостойнству трепещемъ предъ Крестомъ, то трепещемъ отъ благоговѣнія, изумѣвая передъ несказуемой полнотою Божественной любви. Ибо «начало, и середина, и конецъ креста Христова — все одна любовь Божія», говорилъ митр. Филаретъ. Се бо явился крестомъ радость всему міру... И во грѣхахъ нашихъ трепещемъ, но радуемся и пѣснославимъ, и всспѣваемъ побѣдную пѣснь, пѣснь хвалы и благодареніе: «за все, что знаемъ и чего не знаемъ, за явныя и неявныя благодѣянія, совершившіяся на насъ». Во всемъ литургическомъ тайнодѣйствіи, во всѣхъ молитвословіяхъ звучать побѣдные и благодарственные тона. Это входъ Царя Славы... Мы созерцаемъ и вспоминаемъ не только Голгоѳу, но «и все совершившееся ради насъ, — крестъ, гробъ, тридневное воскресеніе, восшествіе на небеса, сѣдѣніе одесную, еще второе и славное пришествіе»... Мы созерцаемъ не только распятаго и страждущаго Христа, но и Христа воскресшаго и возшедшаго въ премірную славу, — Начальника жизни, Побѣдителя смерти. Евхаристія есть знаменіе побѣды, знаменіе совершившагося спасенія, спасенія отъ тлѣнія, побѣды надъ смертію. Это таинство примиренія, — любви, а не скорби, прощенія, а не суда. Христось пострадалъ, но воскресъ; и смертію своею смерть разрушилъ... Воскресъ послѣ вольной страсти, и на прославленномъ тѣлѣ Господа остались «язвы гвоздинныя», которыя осызаль Ѳома. Но воскресъ Христось и возшелъ во славу. И смерть Его стала для насъ воскресеніемъ. Объ этомъ радуемся и благодаримъ. «Благодаримъ Тебя и за службу сію, которую Ты сподобилъ принять отъ рукъ нашихъ»... Ибо въ

этой страшной службѣ мы соединяемся со Христомъ и приѣмлемъ Его жизнь и Его крестную побѣду.

По выраженію Кавасилы, «все тайноводство есть какъ бы одно нѣкое тѣло исторіи», «единый образъ единаго царства Спасителя». Евхаристія есть образъ всего Божественнаго смотрѣнія. Потому благодарственное воспоминаніе охватываетъ всю полноту творенія, всю полноту дѣлъ Божественной Премудрости и Любви. Литургическое созерцаніе преисполнено космическимъ паѣосомъ, ибо во Христѣ, въ Воплощеніи Слова и въ Воскрсеніи Богочеловѣка, исполнилось и завершилось предвѣчное изволеніе Бога о мірѣ. Въ Воплощеніи Слова совершилось освященіе вещества, и мы приносимъ начатки вещества, отъ злаковъ и отъ плода лознаго, для Евхаристическаго освященія. Въ немъ возстановился образъ и подобіе Божіе въ человѣкѣ, и мы созерцаемъ въ праведникахъ и святыхъ обѣтованное и чаемое «обоженіе» человѣка, какъ свершившееся, и о немъ радуемся и благодаримъ. Въ святыхъ Церковь созерцаетъ свое исполненіе, видитъ Царствіе Божіе, пришедшее въ силѣ. И радуется о нихъ, какъ о величайшемъ изъ даровъ Бога человѣку. Это — ея члены, въ подвигѣ добромъ достигшіе Христова покоя и взошедшіе въ радость Господа своего. «Мы всѣ одно тѣло, хотя одни члены свѣтлѣе другихъ», замѣчаетъ Златоустъ. И прежде всего и особенно воспоминаетъ Церковь Богоматерь, «корень сей божественной жертвы» — по человѣчеству. Въ Евхаристіи мы причащаемся Плоти, отъ Нея рожденной, — въ нѣкоторомъ смыслѣ, и Ея плоти; и чрезъ то таинственно становимся Ея сынами, и Она — Матерію Церкви, какъ Матерь Христа, Главы Церкви. «Слово сіе истинно», дерзновенно свидѣтельствууетъ преп. Симеонъ Новый Богословъ, — «ибо плоть Господа

есть плоть Богородицы)... Въ Воплощеніи Слова возсоединился міръ земной, человѣческой, съ міромъ горнимъ, ангельскимъ; и въ литургіи мы молимся и пѣснославимъ купно съ небесными силами, «иже херувимы тайно образующе», — хоръ человѣческой вмѣстѣ съ соборомъ ангельскимъ... И приносимъ и повторяемъ немолчную серафимскую пѣснь, — «потому что чрезъ Христа Церковь ангеловъ и человѣковъ сдѣлалась единою», объясняетъ Симеонъ Солунскій. Ангельскіе силы сослужать земному тайнодѣйствию, «желаютъ приникнуть въ таинствѣ Церкви»... — Такъ въ Евхаристіи смыкаются и пересѣкаются всѣ планы бытія: космическій, человѣческой, серафимскій. Въ ней міръ открывается, какъ подлинный космосъ, единый и объединенный, собранный и соборный. Мысль восходитъ къ началу міра и слѣдитъ его судьбу. «Ты привелъ насъ изъ небытія въ бытіе, и павшихъ снова возставилъ, и не пересталъ совершать все, пока не возвелъ насъ на небо и даровалъ намъ будущее царство», — молится Церковь. И открывается во Христѣ для всѣхъ путь «къ полнотѣ Царства».

Въ Евхаристіи соединяются начало и конецъ, Евангельскія воспоминанія и Апокалиптическія пророчества, — вся полнота Новаго Завѣта. Въ Апокалипсисѣ есть много литургическаго, — Вечера Агнца. И въ литургическомъ чинѣ уже горятъ краски будущаго вѣка. Это начинающееся преображеніе міра, начинающееся воскресеніе его къ жизни вѣчной; и, обратно, можно сказать, Воскресеніе жизни и будетъ вселенской Евхаристіей, трапезой, вкушеніемъ жизни. «Потому и назвалъ Господь наслажденіемъ святыхъ въ будущемъ вѣкѣ трапезой», объясняетъ Кавасила, «чтобы показать, что тамъ нѣтъ ничего болѣе этой трапезы». «И Иисусъ совершеннѣйшая жертва», говоритъ Симеонъ Солунскій, «будетъ среди всѣхъ

Святыхъ своихъ; для всѣхъ миръ и единеніе, священникъ и священнодѣйствуемый, объединяющій всѣхъ и со всѣми соединяющійся». Въ Евхаристіи предваряется исполненіе или полнота Церкви, то совершенное единство человечества, котораго мы чаемъ и ждемъ въ жизни будущаго вѣка, — хотя и тогда будетъ оно умалено и ограничено зловольнымъ противленіемъ твари... Евхаристія есть предвареніе и начатокъ воскресенія, — по обѣтованію Спасителя: «ядый Мою плоть и пій Мойю кровь, имѣетъ жизнь вѣчную, и Я воскрешу его въ послѣдній день» (Іо. VI. 54). Это — надежда и залогъ воскресенія, «обрученіе будущей жизни и царствія». Въ Евхаристіи мы касаемся преображеннаго міра, входимъ въ небеса, касаемся будущей жизни». «Пріобщающіеся этой крови», говорилъ Златоустъ, «стоятъ вмѣстѣ съ ангелами, архангелами и горними силами, облеченные въ царскую одежду Христову и имѣя духовное оружіе. Но этимъ я еще не сказалъ самого великаго: они бываютъ облечены въ самого Царя»... Это совершается внутри эмпирическаго міра, въ исторіи; и вмѣстѣ съ тѣмъ это конецъ и отмѣна исторіи, побѣда надъ раздѣляющимъ и убѣгающимъ временемъ. По объясненію преп. Максима, все въ литургіи есть образъ будущаго вѣка и означаетъ «конецъ этого міра». Съ особою силой и дерзновеніемъ говорилъ объ этомъ Николай Кавасила. «Хлѣбъ жизни, Евхаристія, самъ живъ, и ради него живы тѣ, кому онъ преподается... Хлѣбъ жизни самъ движетъ питаемаго, и измѣняетъ, и прелагаетъ его въ Самого Себя... Когда изливается въ насъ Христось и соединяетъ съ нами Самого Себя, Онъ премѣняетъ и преобразуетъ насъ въ Себя, какъ малую каплю воды, влитую въ безпредѣльное море мвра... Когда Христось приводитъ къ трапезѣ и даетъ вкушать Свое Тѣло, Онъ всецѣло измѣняетъ получившаго таинство и преобразуетъ въ собственное

свойство; и персть, принявъ царскій видъ, бываетъ уже не перстію, но тѣломъ Царя, блаженнѣе чего нельзя и помыслить... Лучшее одерживаетъ верхъ надъ слабѣйшимъ, и божественное овладѣваетъ человѣческимъ, и какъ говоритъ Павелъ о воскресеніи: пожерто бываетъ мертвенное жизнью (2 Кор. V. 4)... Это — послѣднее таинство. Нельзя простирается далѣе, нельзя приложить большаго»...

И съ тѣмъ большей силой чувствуемъ мы грань и разрывъ между преображеннымъ и не-преображеннымъ, между священнымъ и мірскимъ, — острое противорѣчіе между тишиною предѣльнаго таинства и раздоромъ окружающаго міра. Въ храмѣ вѣетъ тишина вѣчной любви. А вокругъ храма бушуетъ мірское море. Церковь остается все еще только островомъ въ «воздвигаемомъ житейскомъ морѣ. Это сіяющій, лучезарный островъ; и надъ нимъ сіяетъ и горитъ Божественное Солнце Любви, Sol Salutis. Но міръ остается безъ любви и внѣ любви; и какъ бы не хочетъ и не приѣмлетъ истинной любви. — И въ душѣ христіанской вскрывается горькое раздвоеніе. Въ литургическомъ опытѣ есть пафосъ молчанія, жажда тишины, жажда уединенныхъ созерцаній. Всякое нынѣ житейское отложимъ попеченіе... И въ этой потаенности есть непреложная правда. Путь къ Евхаристической чашѣ ведетъ чрезъ суровое самоиспытаніе, черезъ затворъ наединѣ со своею совѣстію предъ лицомъ Божіимъ. И благоговѣніе стремится оградить святыню отъ суеты міра сего, — не бо врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ... Какъ на горѣ Преображенія, въ литургическомъ опытѣ такъ много Божественнаго свѣта, что не хочется возвращаться и уходить назадъ въ суету міра. И вмѣстѣ съ тѣмъ, любовь не терпитъ бездѣйствія; и пафосъ единенія и единства, собранный въ литургическомъ бдѣніи, не можетъ не изливаться въ дѣлахъ. Дѣла любви продолжаютъ богослуженіе,

ибо и они въ собственномъ смыслѣ суть богослуженіе, служеніе и хвала Богу — Любви. Потому изъ Евхаристіи открывается путь къ житейскому подвигу, къ исканію мира для міра, — «Исполненіе Церкви Твоей сохрани..., миръ мірови Твоему даруй», съ такимъ прошеніемъ «въ мирѣ» исходимъ мы изъ храма, какъ съ миромъ должны и входить въ него... Съ волею, чтобы сталъ весь міръ Божіимъ міромъ, сіяющимъ исполненіемъ всеблаготворенія воли Всеблаженнаго Бога. И служеніе мира становится задачей для причастниковъ Чаши мира. Раздоръ міра не можетъ не тревожить и не ранить христіанскаго сердца, — и особенно раздоръ міра о Христѣ, разладъ христіанскаго міра, раздѣленіе въ Евхаристической трапезѣ. Въ этомъ раздорѣ и раздѣленіи есть скорбная тайна, тайна человѣческой измѣны и противленія. Это страшная тайна, ибо раздирается не нный хитонъ Господень, Его Тѣло. Побѣждаетъ этотъ разладъ только любовь, любовь Христова, дѣйствующая въ насъ Духомъ мира. То правда, что, сколь бы много ни дѣлали мы для «соединенія всѣхъ», всегда оказывается мало. И путь въ Церковь разсыпается на множество путей, и кончается онъ за предѣлами историческаго горизонта, въ невечернемъ царствіи будущаго вѣка. Странствіе окончится тогда, когда придетъ Царь и откроется торжество.

И дотолѣ съ тоскою будетъ звучать молитва Церкви объ исполненіи. Какъ звучитъ она съ первыхъ дней: «Какъ этотъ хлѣбъ, нѣкогда разсыянный по горамъ, былъ собранъ и сталъ единымъ, собери Церковь Твою отъ концовъ земли во Царствіе Твое!»

Да придетъ Царствіе Твое! Да будетъ воля Твоя, якоже на небеси, и на земли!

1929. III. 11/24.

Недѣля Православія.

Георгій В. Флоровскій